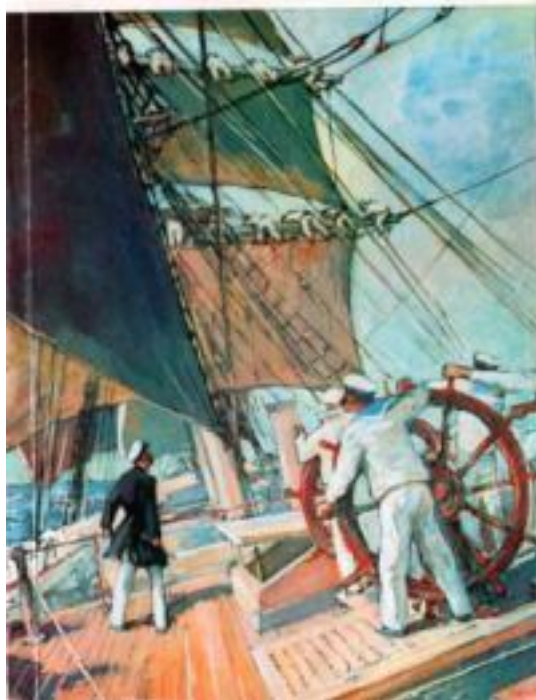

К.М. Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

Константин Михайлович Станюкович
Кириллыч

Серия ««Морские рассказы»»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 6 апреля 2002 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136618

К.М.Станюкович. «Морские рассказы»: Издательство

«Художественная литература»; Москва; 1986

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Константин Михайлович Станюкович Кириллыч

I

Несколько лет тому назад мне пришлось гостить у одних знакомых на хуторе в степной части Крыма.

На этом хуторе, в числе работников, жил старый отставной матрос прежнего Черноморского флота Кириллыч. Он пробыл на службе лет двадцать и, как скромно выражался, «кое-что и повидал на своем веку». Он и «принял» немало линьков и «бою» от начальства, и с «черкесом» воевал во время крейсерств у Абхазских берегов тогда еще непокоренного Кавказа, он и с «туркой дрался» в Синопском сражении, бывши сигнальщиком на том самом корабле, где имел свой флаг адмирал Нахимов, и затем, во время осады Севастополя, безотлучно пробыл шесть месяцев на знаменитом четвертом бастионе, пока ядро не раздробило ему левую ногу.

Несмотря на свои семьдесят с лишком лет, этот маленький старикашка с седой, коротко остриженной головой, с выбритыми морщинистыми и побуревшими от загара щеками

и щетинкой колючих седых усов глядел молодцом. Почти все зубы у него были целы и зрение чудесное. Только глуховат был на одно ухо – от бомбардировки оглох, по его словам.

Он бодро и скоро ковылял на своей деревяшке и добросовестно исполнял обязанности караульщика большой бахчи, когда поспевали арбузы и дыни, и сторожа при хуторе зимой, когда уезжали господа.

Я любил навещать Кириллыча в его владениях, любил беседовать с ним и, главное, слушать его рассказы, полные интереса и того наивного юмора, которым отличается русский человек даже и тогда, когда рассказывает далеко не веселые вещи.

Как и большая часть стариков, он охотно вспоминал прошлое и, по-видимому, рад был моим визитам, тем более что я иногда баловал старика – приносил ему небольшую склянку водки, до которой Кириллыч был большой охотник.

Бывало, на зорьке, когда еще солнце не поднималось и воздух был полон острой, бодрящей свежести, или перед вечером, когда спадала томительная жара, я пробирался между гряд бахчи к караулке Кириллыча, сделанной из жердей, покрытых рогожками. Она стояла посредине бахчи, и оттуда Кириллыч озирает свои владения, карауля вместе с маленькой черной лохматой собачонкой Цыганкой вверенную его надзору бахчу. Птиц он отгонял трещоткой, а людей, которые покушались в неумеренном количестве воровать арбузы и дыни, огорашивал страшную руганью и, в случае чего,

страшал ружьишкой, заряженным дробью. Взять арбуз одной другой он никому не отказывал – ешь, мол, с богом! Но наполнять мешки чужим добром не позволял и таких воров преследовал немилосердно.

Обыкновенно лохматая Цыганка выбегала ко мне навстречу, заливаясь неистовым лаем, но, распознав знакомого человека, смолкала и, весело виляя хвостом, возвращалась к караулке и свертывалась у входа калачиком. По утрам я почти всегда заставал Кириллыча или за бритьем, или только что окончившим эту операцию. Брился он тем самым ножом, которым резал и хлеб, смотрясь в маленький осколок зеркальца, и хотя бритье таким способом едва ли было особенно приятно, тем не менее Кириллыч стоически переносил пытку и тщательно выскабливал свои щеки по привычке хорошо вымуштрованного матроса николаевского времени.

В караулке Кириллыча было чисто и опрятно и все прибрано к месту, словно бы в корабельной каюте. Земля была устлана рогожками. Широкий деревянный обрубок служил столом, а другой – поменьше – стулом. На полке, укрепленной бечевками, в порядке расставлена была посуда: котелок, медный чайник, деревянная чашка, ведерко и две кружки. Коврига черного хлеба, обернутая чистой тряпицей, и помадная банка с солью стояли тут же. В переднем углу висел крошечный образок, а у изголовья постели Кириллыча стояло одноствольное ружье, и кое-какие принадлежности костюма висели на гвоздиках. Постель Кириллыча состояла из

бараньего тулупа шерстью вверх, на котором была подушка в ситцевой наволоке. Спал Кириллыч всегда на меху, чтобы не ужалила проклятая «таранта», как называл старик тарантулов, которые боятся бараньего запаха. Однако, на всякий случай, он держал скляночку с настоем спирта на этом самом насекомом. Татары научили его этому средству против укуса тарантула.

Днем, во время жары, Кириллыч ходил в одной рубахе и исподних, в татарских башмаках на босу ногу и в матросской старой шапке на голове, а когда наступала ночная свежесть, надевал куцее затасканное пальтишко и в таком виде сиживал перед караулкой, наслаждаясь вечерней прохладой и поглядывая на высокое бархатное небо, усеянное звездами. Рядом с ним дремала чуткая Цыганка, пробуждавшаяся при малейшем подозрительном шорохе.

Нередко в такие чудные вечера сиживали мы вместе с Кириллычем. Обыкновенно, как только я заходил к нему, он предлагал мне кавуна или дыньки, и я, по его примеру, ел чудный арбуз, закусывая его черным хлебом, круто посыпанным крупной солью.

Среди торжественной тишины вечера Кириллыч, бывало, рассказывал, понижая голос, о прежней службе с ее строгостями и муштрой, о начальниках, о черкесе, о турке, о французе и особенно любил вспоминать о том, как сам Павел Степаныч Нахимов (царство ему небесное!) повесил ему на бастионе «егория».

В рассказах Кириллыча покойный адмирал являлся легендарным героем, чуждым каких бы то ни было недостатков, и был единственным начальником, о котором старый матрос не обмолвился каким-нибудь критическим замечанием. И когда я спросил, порол ли Нахимов так же жестоко, как и другие черноморцы того времени, то Кириллыч даже с сердцем воскликнул:

– Ну так что же! И порол ежели, то правильно, за дело, вашескобродие!.. А другие так вовсе без рассудка, по бешености... Одно слово... никому не сравняться с покойным Нахимовым. Во всех статьяx, можно сказать, начальник был!..

О себе и о своих подвигах – а о них я слышал от одного старого моряка-севастопольца, приезжавшего на хутор, – Кириллыч никогда не говорил, вероятно, и сам не подозревая, что броситься в пороховой погреб и вынуть из вертящейся бомбы горящую трубку – не совсем обыкновенное дело для человека, и когда я спросил его об этом обстоятельстве, то он просто, словно бы не придавая своему подвигу ни малейшего значения, ответил:

– Точно, было такое дело. Вижу, подлая, пробил пороховой погреб, я и за ей. Думаю: беда будет, как взорвет... Народу-то сколько пропадет!

– Да ведь вы могли первый погибнуть, Кириллыч?

– Пожалуй, что и так, – простодушно промолвил Кириллыч и, пыхнув острым дымком махорки из своей коротенькой трубочки, прибавил: – Однако господь вызволил. Только

руки себе спалил.

– А вот как ноги решили, так вообще страшно стало, вашескобродие! – проговорил после паузы Кириллыч.

– Отчего страшно?

– Главная причина оттого, вашескобродие, что думал я тогда: пропасть мне без ноги. Как прокормиться с одной ногой-то? Пенсия за ногу, сказывали, маленький, на его не пропитаешься, а подаванием кормиться тоже как будто зазорно матросу с «егорием». И докладывал я в те поры дохтуру: «Нельзя ли, мол, вашескобродие, оставить как-нибудь при ноге?» Не согласился. «Никак, говорит, невозможно. Ежели, говорит, не отрезать – умрешь!» Ну, так и отрезали.

– И не пропали вы без ноги, Кириллыч?

– То-то не пропал, вашескобродие! – усмехнулся старик. – Сперва, после замирения, как вышла мне чистая, жил я в Севастополе яличником, перевозил, значит, через бухту народ, который вернулся в город. Ну, и которые приезжие были, чтобы на Севастополь полюбопытствовать... Те, бывало, и полтину за перевоз давали... А после вот по хуторам пошел, потому люблю я, вашескобродие, вольный воздух. Спасибо добрым людям, не брезговают старым инвалидом... Небось и деревянная нога службу справляет! – не без некоторой гордости говорил Кириллыч, хлопая по деревяшке и, по-видимому, вполне довольный, что после двадцатипятилетней службы, геройских подвигов и потери ноги он не «пропал вообще», а вел полунищенское существование. – Вот только

отрезанная нога иной раз оказывает, вашескобродие! – прибавил Кириллыч.

– А что, болит?

– Ненастьем, значит, ломоту дает... А то, нечего бога гневить, сух я из себя, а нутренность вся здоровая, даром что за седьмой десяток перевалило. Паек-то уж давно мне на том свете по положению идет, а господь, видно, не пускает. «Живи, говорит, старик, пока кости носят». Я вот и живу!

II

Однажды, в один из прелестных в Крыму августовских вечеров, старик как-то особенно оживленно рассказывал про бомбардировку Севастополя, про вылазки по ночам, про пленных, про штурм, когда его «шарахнуло» в ногу ядром, и, окончив свой рассказ, совершенно неожиданно прибавил:

– А все-таки ни в жизнь не взять бы французу Севастополя, вашескобродие, хотя у француза и штуцера были!..

– Однако же взяли...

– А почему взяли, как вы полагаете?

– Да потому, что сила была на стороне неприятеля.

– Си-ла? – иронически протянул Кириллыч. – А я по своему глупому рассудку так полагаю, что господь уж заранее определил наказать Севастополь. Потому и взяли.

– Наказать? За что? – удивленно спросил я.

– А за те самые грехи, за которые бог наказал Содом-Гоморру! – горячо проговорил Кириллыч, соединяя оба города в один. – Потому, доложу вам, вашескобродие, слишком уж распутно по части женского пола жили в Севастополе. Во-все забыли бога. Так в грехах, примерно сказать, и купались. Какая своя жена, какая чужая – не разбирали. После, мол, разборка будет. Господа пример показывали, а за ими и наш брат, простой человек... У всех, почитай, любовницы были от женок... Ну, и те не зевали. И такой вроде быдто со-

дом-гоморр шел, что страсть!.. А бог смотрел-смотрел, терпел-терпел и под конец не стерпел. «Надо, говорит, разорить Севастополь, чтобы, мол, камня на камне не осталось!..» И в те поры императору Николаю Павловичу отколе ни возмись вдруг объявился во дворце монах и прямо в кабинет царский. «Так, мол, и так, ваше императорское величество, дозвоьте слово сказать». Дозволил. «Говори, мол, свое слово». А монах лепортует: «Хотя, говорит, ваше величество, матросики и солдатики присягу исполнят, как следовает, по совести, но только Севастополю не удержаться по той самой причине, говорит, что господь очень сердит, что все его, батюшку, забыли. И для примера попомните, говорит, мое слово: француз победит. И тогда, говорит, ваше императорское величество, беспременно прикажите вашему сыну, чтобы распутство и жестокость начальства повелел искоренить и чтобы хрестьянам объявить волю. А ежели, говорит, ваше величество, этого не накажете сыну, то вовсе матушка-Россия пропадет и всякий будет иметь над ней одоление». Император слушал, как монах дерзничал, да как крикнет, чтобы монаха тую ж минуту забрить в солдаты. Прибежали на крик генералы, а монаха и след простыл. Нет его... Точно сквозь землю провалился... А вскорости после того император и умер, потому не стерпел, что русскую державу и француз одолел. То-то оно и есть! Вот самая причина, почему француз взял Севастополь и после замирения вышла воля! — закончил Кириллыч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.